

Фильмы — отличный источник знаний, и осьминоги не стали исключением.

Ещё в детстве, посмотрев картину «Дракон и принцесса», Носк усвоил одну простую истину: люди боятся и ненавидят тех, кто на них не похож.

Как бы чудовище ни оберегало принцессу, даже если оно готово было принести к её ногам все сокровища мира, дева всё равно выбирала рыцаря. И в финале без тени сомнения приказывала ему убить дракона. Очевидно, что к монстру она не испытывала ничего, кроме отвращения.

А вот в другой мелодраме — «Годы моей любви к дракону» — главный герой, тоже чешуйчатый ящер, умудрился вскружить принцессе голову лишь потому, что принял облик высокого и статного красавца. И когда благородный воин с великим трудом вызволил её из плена, глупышка тайком сбежала обратно в пещеру, чтобы жить с чудищем долго и счастливо.

Разница бросалась в глаза.

Именно тогда Носк понял: чтобы завоевать сердце принцессы — точнее, Ван Цзиншаня, — ему необходимо принять человеческий облик. Причём выглядеть он должен как можно «привлекательнее».

Вот только в человеческой красоте гигантский осьминог не смыслил ровным счётом ничего. Для него все эти двуногие были на одно лицо: два глаза, нос посередине да рот под ним. Сплошное размытое пиксельное месиво.

Среди этой безликой массы выделялся лишь один человек. Носк искренне считал Ван Цзиншаня самым прекрасным созданием на Голубой звезде.

Стоит ли ему принять точно такой же облик? Пожалуй, нет. Люди недолюбливают тех, кто копирует их точь-в-точь.

«До чего же они противоречивые создания, — уныло размышлял Носк. — Мечтают, чтобы партнёр разделял их привычки, но при этом жаждут новизны и непохожести — говорят, только так можно сохранить страсть».

Впрочем, сейчас перед ним стояла куда более насущная проблема. Он никогда раньше не превращался в человека и понятия не имел, как это делается. Сколько бы он ни размышлял, как бы ни кипели три его головы, дельного решения так и не рождалось.

— погоди, Носк, ты что творишь? — внезапно окликнул его Ван Цзиншань.

Очнувшись от раздумий, осьминог обнаружил, что несколько его щупалец намертво застряли в баке для корма. Старая привычка: когда Носк глубоко задумывался, его конечности сами собой искали узкие, замкнутые пространства. Так любое нормальное головоногое чувствует

себя в безопасности.

"Про... сти..." — попытался он аккуратно высвободить щупальца, но безуспешно. Они застряли намертво.

Носк запаниковал. Гигантская туша завертелась в бассейне, поднимая волны до самого потолка.

Ван Цзиншань обречённо вздохнул:

— Носк, ты вообще представляешь свои размеры?

Огромный купол осьминога виновато поник. Цзиншань всерьёз подозревал, что этот монстр недооценивает собственные габариты, мало уступающие Годзилле.

— Ты ведь не карликовый осьминожка, чтобы лазить в каждую щель, — ворчал парень, навалившись всем телом на пластиковый бак.

Приложив нечеловеческие усилия, он наконец помог зверю освободиться. Синий пластиковый контейнер, увы, этого испытания не перенёс — треснул по швам и развалился на куски.

"Но... раньше... я... помещался..." — тихо раздалось в сознании Цзиншаня.

— Это когда же? — недоверчиво хмыкнул он.

"В детстве".

Ван Цзиншань лишь покачал головой. Сложно поверить, что такой исполин когда-то мог быть крошечным. Ему казалось, что гигантские осьминоги Тихого океана вроде Носка рождаются уже размером с приличную лодку.

Носк упрямо зашевелил щупальцами, пытаясь жестикулировать:

"Правда!.. Ты... видел... меня..."

— Я? Когда это?

"Шесть... лет... назад... на берегу..."

В голове Ван Цзиншаня будто вспыхнула искра. Он мгновенно вспомнил крошечного

осьминожка, которого когда-то спас на пляже искусственного острова и отпустил обратно в океан.

— Тот малыш, которого я выбросил обратно в воду... это был ты? — изумлённо выдохнул он.

Осьминог утвердительно качнул массивным куполом.

Надо же, какая невероятная случайность. Все детали головоломки наконец сошлись в единую картину. Стало ясно, почему ему досталась та загадочная карта... Их судьбы переплелись задолго до того, как они оказались в этой лаборатории.

Цзиншань невольно улыбнулся и кашлянул в кулак, пытаясь скрыть нахлынувшее умиление.

— Что ж, вынужден признать: тогда ты действительно был крохой.

Малыш легко умещался на его ладони.

"Ты... спас... меня... Спасибо..."

— Да брось, пустяки, — мягко перебил его парень. — Любой бы так поступил.

Однако на душе у него потеплело. Сколько живут обычные осьминоги? Шесть лет — для человека сущий пустяк, отрезок от школьной скамьи до первой серьёзной работы. А для Носка это была целая жизнь. Если бы не та вынужденная операция по модификации, гиганта уже давно не было бы в живых.

Позже Цзиншань интересовался у профессора Смита, сколько ещё суждено прожить его необычному другу.

— Науке это неизвестно, — пожал плечами учёный. — Организм осьминогов устроен так, что они не стареют в привычном смысле. Если отключить их естественную программу самоликвидации после размножения, теоретически они могут жить вечно.

Бессмертие. Великая мечта человечества, которая Ван Цзиншаня совершенно не волновала. Сейчас его заботило совсем другое — свобода. То, как им вдвоём выбраться из этой стальной клетки.

Они часто шёпотом обсуждали план побега. Носк впервые рассказал о своём доме — старинном галеоне, покоящемся на самом дне Жёлоба Мали. Он обещал забрать Ван Цзиншаня с собой и подарить ему все сокровища, что успел скопить за эти годы.

Цзиншаня эта перспектива искренне воодушевляла. Затонувший древний корабль! Там наверняка полно золота и старинных артефактов. Если удастся раздобыть парочку ценных безделушек, им до конца дней не придётся думать о куске хлеба.

Но в глубине души осьминог всё же сомневался:

"Ты... правда... хочешь... со... мной...?"

Он панически боялся, что в последний момент человек передумает и захочет остаться в человеческом обществе.

— Конечно, — без тени сомнений ответил Цзиншань. — Я только за.

В тот день Ван Цзиншань впервые решился рассказать о себе.

Его мать была неисправимой искательницей приключений. Едва сыну исполнилось несколько лет, она бросила семью и отправилась скитаться по свету. В детстве Цзиншань бредил мыслью отыскать её, но со временем эти мечты померкли. Отец так больше и не женился. Они остались вдвоём в огромном доме, где свято чтили строгие традиции их древнего азиатского рода.

Повзрослев, Цзиншань пошёл по стопам отца и надел форму имперского офицера полиции. Его родитель занимал пост начальника департамента, так что карьера молодого человека обещала быть блестящей и безоблачной. Но катастрофа, случившаяся год назад, разом низвергла семью Ван в пучину позора.

Отца обвинили в тайном сговоре с империей Ваза и махинациях при строительстве искусственного острова Акос. Обвинение в государственной измене перед самым выходом на пенсию обернулось тюремным сроком. У него ещё оставался шанс оправдаться и очистить своё имя, но новость о том, что старик повесился в камере, поставила на его репутации жирную точку. Для общества это стало безоговорочным признанием вины.

Родственники проклинали покойного. Отец трусливо сбежал в петлю, оставив близких разгребать последствия его грехов. Сплочённый прежде клан мгновенно распался. Некогда могущественная и знатная азиатская династия стёрлась с лица империи Ангра, словно её никогда и не существовало.

В те мрачные дни раздавленный Цзиншань не нашёл ничего лучше, кроме как спрятаться от жестокой реальности. Он распродал всё мало-мальски ценное имущество, включая любимый старый проигрыватель винила, заперся в съёмной однушке и почти месяц безвылазно резался в приставку, пытаясь заглушить боль.

Ему хотелось на всё плюнуть и уехать на край света, повторив судьбу матери. Видимо, в его жилах тоже текла мятежная, не знающая покоя кровь. Лишь уговоры старых друзей и коллег

заставили его взять себя в руки и вернуться к службе.

Но в чём теперь заключался смысл этой работы? Обычной уловки доктора Смита с ядовитым туманом оказалось достаточно, чтобы офицер Майлкен бесследно сгинул в бездне.

Ван Цзиншань твёрдо решил: как только они выпутаются из этой истории, он подаст рапорт об увольнении. Пускай всё катится к чертям. Он уйдёт в океан вместе с Носком, навстречу вольной, беззаботной жизни. Держать его здесь больше некому и нечему. Его сердце жаждало перемен.

Наступил пятый день их заточения.

Носк полностью восстановил силы, и они уже собирались дать отмашку плану побега, как вдруг планы перечеркнула неожиданная новость. Бежать больше не требовалось.

Профессор Смит лично связался с ними по внутренней линии и сообщил, что сегодня вечером их отпустят на все четыре стороны.

Такая внезапная щедрость заставила Ван Цзиншаня насторожиться.

— Поначалу мной двигал исключительно научный интерес, — мягко пояснил Смит по ту сторону экрана. — Но если мы зайдём в территориальные воды империи Ваза, вашу диковинку тут же отправят под нож патологоанатомов. Мне бы этого не хотелось. К тому же, офицер Ван, я близко знал вашего отца.

— Моего отца? — нахмурился Цзиншань.

— Именно. В своё время господин Ван оказал нашему научно-исследовательскому центру неоценимую услугу. Без его покровительства проект искусственного острова Акос никогда не претворился бы в жизнь. Считайте это моим долгом чести перед его памятью. Я обязан вернуть вас домой.

Слова профессора безжалостно подтвердили то, во что Цзиншань до последнего отказывался верить: его отец действительно был замешан в предательстве интересов родины.

Парень крепко сжал кулаки, но спустя мгновение бессильно разжал пальцы и горько усмехнулся.

Домой? Да разве у него остался дом?

— Это вы убили Майлкена? — тихо спросил он.

— Понятия не имею, о ком вы говорите, — ровно ответил Смит.

— Но я видел, как он шагнул в тот туман!

— Боюсь, тут я вам ничем не могу помочь. Собирайте вещи. После ужина Пол проводит вас к выходу.

— Офицер Ван, ваш ужин.

Цзиншань без аппетита принялся за принесённый обед. Местный кок на подлодке знал толк в восточной кухне. Странно: раньше Ван никогда не жаловал традиционные китайские блюда, но в последнее время его вкусы круто изменились. Он буквально бредил простой яичницей с помидорами.

Тем временем Носк уплетал свою порцию за обе щёки. Ему требовалось как можно больше энергии. Нужно набраться сил, чтобы без приключений доставить своего избранника на глубину.

Но стоило Цзиншаню проглотить последний кусок, как в висках застучало, а перед глазами всё поплыло. Силы стремительно покидали тело. Голова налилась свинцом, словно перед лицом раскачивался тяжёлый гигантский маятник.

Веки стали невыносимо тяжёлыми.

"Нет... нельзя засыпать... Сейчас мы должны бежать..."

Откуда эта дикая слабость?

Ван Цзиншань запоздало понял: это ловушка. Смит обманул их.

С трудом разлепив губы, он попытался крикнуть, предупредить спящего в бассейне друга:

— Беги...

Но звук превратился в едва различимый хрип.

Обернувшись, он увидел, что гигантский осьминог уже неподвижно замер на дне резервуара. Смит рассчитал дозу снотворного исходя из веса порций. Носк съел слишком много рыбы — обычного человека такое количество транквилизаторов попросту убило бы на месте.

— Профессор, мы заплём их в карцере? — растерянно спросил Пол, не понимая, зачем нужно было устраивать этот спектакль с освобождением.

Смит проигнорировал вопрос. Сжимая в руках картонную коробку, он быстро прошёл вглубь лаборатории и нажал кнопку блокировки дверей.

— Никого не впускать.

Когда тяжёлая стальная плита отсекла внешний мир, учёный обернулся к бассейну. Его лицо покраснелось, дыхание стало частым и прерывистым.

Он ждал этого дня всю жизнь. Ещё в студенческие годы, впервые услышав шёпот Ктулху, Смит осознал своё истинное предназначение. Ему суждено стать проводником великой воли, тем, кто пробудит Древнего Бога и впустит Его в этот ничтожный мир.

Достаточно лишь отворить запечатанные каменные врата, и Великий Ктулху восстанет из пучины, чтобы вновь воцариться над миром.

Смит распаковал коробку и набросил на плечи глухую чёрную мантию. Достав кусок мела, он принялся выводить на полу сложную оккультную гексаграмму, испещрённую чуждыми человеческому глазу символами.

С сухим треском вокруг начертанного круга вспыхнули тяжёлые ритуальные свечи, взметнув вверх языки багрового пламени. В самый центр этого зловещего алтаря Смит уложил раздетого донага Ван Цзиншаня — идеальное подношение для грядущего божества.

Снотворное ещё не до конца отключило разум Цзиншаня. Сквозь полуприкрытые веки он смутно видел, как безумный учёный полоснул себя ножом по запястью, окропляя ритуальный круг тёмной, дымящейся кровью.

— О воплощение наше в бездне морской, да святится имя Твоё, да придет царствие Твоё, да будет воля Твоя в Р'льехе, как и в И'ха-нтлеи!

Голос Смита срывался на экстатический крик. Символы на полу замерцали, а затем начертанный круг сооткался в плотное облако клубящейся тьмы, от которой у Ван Цзиншаня перехватило дыхание. Это был первобытный, сковывающий ужас — такой охватывает человека, затерянного в бесконечной пустоте космоса, или смертельно больного, обречённого угасать в

безмолвии.

Прямо в воздухе над алтарём с тихим треском разверзлась рваная пространственная щель.

Из прорехи хлынул плотный могильный туман. Послышался безумный шёпот и далёкий хриплый рёв тварей, способных одним своим видом свести с ума. Белая костяная рука судорожно потянулась наружу, пытаясь ухватиться за край разлома, но из глубины бездны метнулась тень и с тихим плеском утащила её обратно.

В этот миг Ван Цзиншаня осенила страшная правда.

Этот безумец Смит вовсе не собирался изучать Носка. Он использовал его плоть как сосуд, ритуальный якорь для призыва Ктулху.

Уважаемый профессор, светило океанологии, на деле оказался фанатичным адептом зловещего культа!

Сквозь пелену неестественного сна Носк уловил древний властный зов, шедший из бездонных глубин.

Нечто чуждое силилось занять его разум, овладеть исполинским телом, чтобы явиться в физический мир.

"А мне какая выгода?" — мысленно поинтересовался Носк.

Древняя сущность на секунду опешила. Похоже, за долгие эпохи её существования никто не смел торговаться с божеством.

Носк же, вспомнив сочную реплику из какого-то боевика, с удовольствием выдал:

"Решил на халяву проскочить? Пошёл вон!"

Разгневанное божество обрушило всю свою колоссальную мощь, пытаясь раздавить волю дерзкого моллюска. Но стоило чуждому сознанию коснуться его сути, как из самой глубины души Носка вырвался сноп ослепительного золотого сияния. Этот чистый, яростный свет мгновенно испепелил вторгнувшуюся тьму.

Раздалось сухое шипение.

Незримый монстр в ужасе забился в предсмертных судорогах, но золотой огонь не знал пощады. Секунда — и грозный дух рассыпался блёклой серой золой.

Пространственная брешь с хлопком захлопнулась, оставив после себя лишь несколько капель зловонной болотной жижи, окропившей пол.

«Что это за сила?..» — была последняя растерянная мысль гибнущей сущности. Она никак не могла взять в толк, откуда в этом примитивном мире взялось нечто, превосходящее власть самого Древнего Бога.

В полумраке лаборатории вспыхнули два алых вертикальных зрачка. Они безмолвно уставились на застывшего в ужасе человека.

Смита сковал леденящий страх.

Колени его подогнулись. Отступая, он споткнулся и неловко повалился на пол, судорожно лепеча:

— О Великий... я лишь ваш верный слуга... пощадите... даруйте прощение...

Носк с любопытством наклонил голову, разглядывая распростёртого перед ним человека — его лицо, плечи, фигуру.

Он припомнил, как ассистенты в белых халатах шептались между собой, называя своего патрона чертовски привлекательным мужчиной.

Что ж, если это правда...

Огромное щупальце, багровое и скользкое, медленно потянулось к замершему профессору.

— А-а-а-а-а!

Стоявший за бронированной дверью Пол услышал этот полный первобытного ужаса вопль. Кровь отхлынула от его лица, оставив мертвенную бледность.

Ван Цзиншань пришел в себя на узкой жесткой койке.

Попытавшись резко сесть, он тут же больно ударился затылком о нависавшую сверху деревянную полку.

— Чёрт... — парень потёр ушибленное место и огляделся.

Знакомая скудная обстановка, выкрашенная синей краской оконная рама... Сомнений не оставалось: он снова заперт в своей старой комнате на Острове Осьминогов.

В порыве ярости он схватил стоявший на столике горшок с орхидеей и с силой швырнул его на пол. Глиняные осколки вместе с землёй разлетелись по комнате.

В ту же секунду дверь отворилась. На пороге показался профессор Смит с дымящейся пиалой рисовой каши в руках.

Не теряя ни мгновения, Цзиншань бросился вперёд. Одним точным ударом он выбил поднос, наотмашь съездил учёному по лицу и повалил его на лопатки. Прижав брыкающегося мужчину к полу, парень приставил острый осколок горшка к его сонной артерии:

— Говори, мразь! Что ты сделал с Носком?!

Смит замер под его весом. На удивление, в глазах «профессора» не было страха. Под яростным взглядом полицейского его бледные щёки медленно залил густой, почти девичий румянец.

Он аккуратно поправил съехавшие набок очки и негромко произнёс:

"Цзиншань... Это же я. Носк".

<http://bllate.org/book/20372/2132163>